

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СХИЗИСА

Вопросы психологии, 1996, №6, с. 25-40

Карта отечественной психологии за последние 10 лет изменилась, пожалуй, более радикально, чем карта Восточной Европы. Тогда, в 1985 г. над пустынными психологическими пространствами возвышались несколько академических крепостей (то были главным образом столичные психологические институты и факультеты психологии), кое-где виднелись ведомственные бастионы (психологические лаборатории в "ящиках", больницах, МВД, образовательных учреждениях, и самый многочисленный их вид – кафедры психологии провинциальных педвузов), большей частью находившиеся в вассальном теоретическом положении у одной из крепостей, а ручейки вольной психологической практики с высоты птичьего полета почти не были видны.

Бурное пятилетие (с 1986 по 1991 г.) подняло волну энтузиазма психологов-практиков. Волна окатила крепостные стены, кое-где перехлестнула через них и отхлынула, разлившись по обширным неакадемическим просторам. Она стала заполнять все ложбины и низменности – всюду появились психологические центры, службы, ТОО, ООО, да и просто лихие молодые люди с очень ограниченной ответственностью, но с безграничной готовностью на любую психологическую услугу от подготовки кандидата в президенты страны до снятия порчи.

Недавняя пустыня между академическими крепостями и ведомственными бастионами превратилась в беспокойное море психологической практики. Есть в нем уже и глубокие чистые течения, хотя, разумеется, преобладают пока мутноватые воды самоуверенного дилетантизма.

Но нравятся нам последствия наводнения или нет, факт остается фактом: все это вместе и есть "отечественная психология", хотя ее рельеф, климат, флора и фауна неузнаваемо изменились. Раньше судьба нашей психологии ковалась за академическими стенами, отныне она определяется тем, как будут складываться отношения между образовавшимся "морем" и "сушей", между "психологической практикой" и "научной психологией".

В упомянутое выше пятилетие "энтузиазма", когда большинство психологов-практиков составляли специалисты с университетским академическим образованием, порой казалось, что продуктивное соединение практики и науки произойдет само собою. Казалось, что началась уже новая историческая эпоха, что позади старые естественнонаучные идеалы, высокомерное отношение к практике как к косной сфере, куда "внедряются" научные достижения, что сбывается пророчество Л.С. Выготского – "практика входит в глубочайшие основы научной операции", "становится конструктивным принципом науки" (4; 387-388), что психология действительно вбирает в свой состав практику и вот-вот начнет изнутри преобразоваться.

Но, увы, как и в жизни, в науке не совершается ничего автоматически. Когда начался отлив, обнаружилось, что перехлестнувшая волна оставила после себя несколько психотехнически-ориентированных лабораторий, но никакого внутреннего оплодотворения психологической науки "философией практики" не произошло. Напротив, отлив продолжался, разрыв между психологической практикой и наукой стал увеличиваться и достиг угрожающих размеров. Самое тревожное, что это расщепление, проходящее по телу психологии, никого особенно не волнует – ни практиков, ни исследователей. Если бы ситуация определялась острым противоборством, столкновением сторон, попыткой сломить сопротивление друг друга и перекроить всю психологию по-своему, это было бы драматично и... плодотворно. Тогда можно было бы говорить об очередном кризисе психологии. К сожалению, приходится диагностировать не кризис, но схизис нашей психологии, ее расщепление. Психологическая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью как две субличности диссоциированной личности: у них нет взаимного интереса, разные авторитеты (уверен, что больше половины психологов-практиков затруднились бы назвать фамилии директоров академических институтов, а директора, в свою очередь, вряд ли информированы о "звездах" психологической практики), разные системы образования и экономического существования в социуме, непересекающиеся круги общения с западными коллегами.

Есть и другие симптомы схизиса, но наиболее опасное, что консервирует всю ситуацию и в первую очередь нуждается в исправлении, состоит в том, что ни исследователи, ни сами практики не видят *научного, теоретического, методологического значения практики*. А между тем для психологии сейчас нет ничего теоретичнее хорошей практики.

В данной статье мы надеемся показать, что наиболее актуальными и целительными для нашей психологии являются психотехнические исследования, что их значение вовсе не сводится к разработке эффективных методов и приемов влияния на человеческое сознание, но состоит прежде всего в выработке *общепсихологической методологии*. Методологическая миссия психотехники определяется не только внешними факторами – массовым распространением психологических практик, социальным заказом, но и *внутренними тенденциями самой психологической науки*. Последнее кажется особенно важным – убедиться, что психотехника есть не просто частная прикладная дисциплина, но общепсихологическая методология, причем методология, не навязанная извне обстоятельствами, а "генетически" заложенная в отечественной психологии. Наступило время, когда эта программа начала реализовываться. Попытаться расшифровать ее генетический код, проследить пути ее развертывания – вот задача статьи.

* * *

Начнем с очевидной ценности психологической науки, лучше сказать, с ее заветной мечты о целостном уникальном человеке. Как бы аналитичны ни были те или другие психологические направления, как бы ни членили они человека и его жизнь на функции, состояния, процессы, их никогда не покидала мечта о синтезе, о том, что рано или поздно найдется сказочная мертвая вода, которая соединит части разъятого человека в цельное существо, и вода живая, которая это существо оживит. Но то, что является наивной мечтой традиционного психолога-исследователя (о которой он, разумеется, тут же забывает, когда доходит до дела и ему нужно действовать по неумолимой логике науки), недостижимым венцом всегда будущих научных синтезов, то для психолога-практика является вполне приземленной ежедневной реальностью, с которой ему с начала и до конца своей работы только и приходится иметь дело, борясь лишь со своими собственными аналитическими или редукционистскими привычками.

Однако эмпирически, опытно известное – отнюдь не то же самое, что научно знаемое. Чтобы научиться не только действовать с целостным человеком, но и мыслить действительность *человеческой целостности*, необходимо прежде всего задаться вопросами: чем она конституируется? в каких контекстах мы находим человека в полноте и конкретности его бытия? в каких контекстах не расплескивается его сущность или хотя бы сохраняется его узнаваемость, так что, вглядываясь в полученные в этих контекстах описания, можно безошибочно определить – да, речь идет о человеке, а не о механизме, организме или социальном атоме?

Человеческая целостность сохраняется прежде всего в контексте сознания (имеются в виду и горизонт его феноменологической перспективы из единственного места в бытии (1), и все эстетические, этические и психологические формы его выражения и понимания).

Далее, она сохраняется в ориентированных на человека *социальных практиках* – обучения, воспитания, лечения и пр.

Наконец, как смысловая сущность она может осуществляться в разного рода символических полях *культуры*.

Эти контексты взаимоотражаются друг в друге, пронизывают друг друга и существуют как узлы в одной связке. *Сознание-практика-культура – такова тройная формула контекста, задающего действительность человеческой целостности.*

Но мало определить категориальные условия, обеспечивающие нередуцируемость человеческой целостности, необходимо еще ответить на вопрос, как эту целостность исследовать, коль скоро мы не оставляем задач науки внутри психотерапевтической и консультативной деятельности, не отказываемся искать здесь истину, а не одну только пользу.

ПРАКТИКА КАК ПРИНЦИП ПОЗНАНИЯ

В современной методологии познания стало уже общим местом утверждение о нереализуемости классических научных канонов при изучении человека (не говоря уже об их относительной применимости даже в естествознании). Парадигма классической науки при изучении человека дает трещину в решающем пункте, гласящем: объект независим от познания. В тех дисциплинах, которые изучают конкретных людей, особенно очевидно, что названная аксиома не оправдывает себя. Причем в двух смыслах: во-первых, само знание о человеке реально изменяет его. Явный пример тому психоанализ, изменяющий человека как в каждом конкретном клиническом случае, так и в смысле того культурного человеческого типа, который сформировался на Западе: психоаналитическая символика, психоаналитическое искусство, менеджмент, лечение, воспитание и пр. – все это сегодня неотъемлемые элементы реальной жизни обычного западного человека. Во-вторых, сам процесс познания вовсе не безразличен для человека: и потому, что он, являясь объектом исследования, реализует лишь один из многих модусов своего существования с особыми культурными нормами, ритуалами, ожиданиями, вовсе не совпадающий с другими модусами (Я как испытуемый, исследуемый вовсе не равен "себе" играющему, работающему, любящему и т.д.); и потому, что формы, процессы и методы познания влияют не только на характер получаемого знания (не безразлично, будет ли это знание об условных рефлексах или о жизненном стиле), но и на самого исследуемого человека [1].

В этих констатациях для нашей психологии давно нет никакой гносеологической новизны. Повторять их приходится не потому, что они не известны, а потому что из них

вытекает методологическое задание, которое отечественная психология должна была выполнить, но так еще до конца и не выполнила. Суть этого задания в том, что психология деятельности должна стать деятельной психологией (А.Н. Леонтьев), или "психотехнической" (Л.С. Выготский). Казалось бы, еще в знаменитых тезисах К. Маркса (7), столь часто цитировавшихся в нашей психологической литературе, это методологическое задание было сформулировано ясно и четко. В одном из тезисов речь шла о том, что "философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его", в другом – о том, что изучаемую действительность следует брать не в форме объекта и не в форме созерцания, а как человеческую чувственную деятельность, как практику.

Сами по себе эти идеи К. Маркса, разумеется, не раз оценивались советскими философами как гениальный вклад в гносеологическую теорию, состоящий во введении в нее категории практики. Мысль о том, что в основании научной деятельности должна лежать человеческая практика, систематически воспроизводилась. Вот, например, в каком виде ее формулирует В.С. Степин: "Как в любой познавательной деятельности, здесь (в эмпирическом слое науки. – *Ф.В.*) проявляется фундаментальный принцип теории отражения, согласно которому объект познания определен лишь относительно некоторой системы практики. Познающему субъекту предмет исследования всегда дан не в форме созерцания, а в форме практики... Поэтому во всех слоях научного знания содержится схематизированное и идеализированное изображение существенных черт практики, которое вместе с тем (а вернее, в силу этого) служит изображением исследуемой действительности" (10; 88).

Но одно дело – признание идеи и совсем другое – ее реализация. Не берусь судить о жизни Марксовой идеи в современной российской философии, но в нашей психологии (теперь стыдливо вытесняющей все связи, ведущие к подозрению в марксизме) она чаще всего истолковывалась таким образом: исходный предмет психологического исследования – человеческая практика, деятельность. Но означает ли это, что действительность берется не в форме объекта и не в форме созерцания, а как человеческая чувственная деятельность, как практика, берется "субъективно", по словам К. Маркса? Нет. Центральный, решающий пункт состоит не в том, чтобы из всех возможных объектов познания выбрать для исследования деятельность, и не в том, чтобы всякую исследуемую действительность *рассматривать* как деятельность, а в том, *в какой позиции находится сам исследователь по отношению к этой действительности*. Одно дело, если он сохраняет позицию Абсолютного Наблюдателя, созерцающего особый объект деятельность, и тогда он и саму деятельность берет "либо в форме объекта, либо в форме созерцания", берет "объективно". Совсем другое – если он занимает *участную позицию* в бытии, становится в практическое, жизненное отношение к познаваемой действительности и именно свою человеческую чувственную деятельность, свою практику (а раз "свою", то, естественно, действительность берется "субъективно") делает исходным пунктом познания.

Эти две методологические схемы резко отличаются друг от друга. В первой исследователь полагает себя вне и над бытием, бытие мыслит независимым от своих исследовательских процедур, сами эти процедуры представляет как бесплотные лучи, лишь дающие информацию об объекте, но не затрагивающие его, а получаемое в результате знание – как не имеющее обратного влияния на объект. Зрительное восприятие предметов – вот метафора этой схемы. Назовем ее условно "философией гносеологизма".

В пределах второй схемы исследователь должен не просто дать себе отчет в том, что он как человек находится в гуще бытия и потому неизбежно зависим в своем познании от

своей связанности с бытием и погруженности в него; ведь, достигнув такого осознания, можно тем не менее избрать первую методологическую схему и пытаться, насколько это возможно, приблизиться к "идеальной" познавательной позиции, изыскивая методические средства, чтобы отряхнуть бытие с процесса познания. Реализуя вторую схему, нужно пойти на риск включения себя именно как исследователя внутрь изучаемой действительности, войти в поля чувственно-практической деятельности, которые не то, чтобы связывают его отдельного с отдельной действительностью, а, собственно, и являются первоначальной и единственной действительностью, в которой затем уже проступают объективный и субъективный полюса. Осознавать это чувственно-практическое поле как изначальный и определяющий факт познания и означает придерживаться второй схемы, которую можно назвать *философией практики*. Если образ первой схемы – зрительное восприятие, то образ второй – тактильно-кинестетическое. (Здесь стоит вспомнить, что генетически рука учит глаз, а не наоборот, и в функциональном плане глаз вовсе не пассивный приемник идущих от объекта световых "снарядов", он, активно "ощупывая" объект, лепит его образ.)

Итак, философия практики – это вовсе не философское познание практики, это и не познание, ориентированное прагматически на то, чтобы служить исключительно практическим целям; философия практики не является вообще методологией одного лишь познания, так, чтобы научная истина мыслилась как высшая ценность. Но поскольку познание осуществляется в недрах философии практики, оно должно непрерывно удерживать в своих процедурах факт собственной жизненно-практической укорененности в познаваемом бытии. Познание, реализующее философию практики, не смотрит на практику извне, а изнутри практики смотрит на открываемый ею мир.

Каким образом можно эти общефилософские положения превратить в конкретную методологию психологии?

ФИЛОСОФИЯ ПРАКТИКИ КАК МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИИ

Л.С. Выготский, анализируя кризис в психологии, пришел к выводу, что его глубинной причиной была оторванность психологии от практики. Связи, сложившиеся между теоретической и прикладной психологией, напоминали, по словам Л.С. Выготского, взаимоотношения между метрополией и колонией: "...теория от практики не зависела нисколько; практика была выводом, приложением, вообще выходом за пределы науки, операцией занаячной, посленаучной, начинавшейся там, где научная операция считалась законченной" (4; 387). Выход психологии из кризиса Л.С. Выготский связывал с тем, чтобы практические дисциплины заняли принципиально иное положение во всем строе науки. Какое же? Эпиграф, многократно, как заклинание повторяемый в труде Л.С. Выготского, прямо указывает на это положение: "Камень, который презрели строители, стал во главу угла". Практика должна стать именно краеугольным камнем новой науки, т.е. таким, на который опирается все возводимое здание, по которому выверяются все его стены. В новой психологии "практика входит в глубочайшие основы научной операции и перестраивает ее с начала до конца; практика выдвигает постановку задач и служит верховным судьей теории, критерием истины; она диктует, как конструировать понятия и как формулировать законы" (4; 387-388).

Л.С. Выготский надеялся, что столкновение психологии с высокоорганизованной практикой приведет к тому, что промышленность и армия, политика и образование реформируют нашу науку.

Надеждам Л.С. Выготского, однако, не суждено было сбыться. Практика не реформировала психологию. Почему? Во-первых, конечно, из-за тех гонений, которым подверглись именно практически ориентированные психологические дисциплины – педология и психотехника. Во-вторых, из-за уродливых форм самой социальной практики, насквозь идеологизированной, ориентированной не на эффективность, а на фиктивные плановые показатели и потому не нуждающейся по-настоящему не только в действенной психологии, но и вообще ни в какой психологии.

Однако непосредственной причиной задержки методологического развития нашей психологии явилось то, что она, взаимодействуя все же (особенно в 60-е гг.) с различными видами социальной практики – медициной, промышленностью, педагогикой, участвовала только в этой, "чужой", практике, не имея *своей психологической практики, не была самостоятельной практической дисциплиной.*

Только в последние 10-15 лет ситуация стала меняться. Еще недавно психологию можно было сравнить с медициной, у которой есть академические институты, вузы, многочисленные кафедры и лаборатории, но при этом на всю страну – ни одной поликлиники! Теперь у психологии появились свои "поликлиники", возникла собственно психологическая практика. Буквально за несколько лет психологов-практиков стало на порядок больше, чем психологов-исследователей и преподавателей. Учитывая опыт развитых стран, страстное стремление студентов факультетов психологии к обучению практической психологической работе, огромный наплыв психотерапевтических "прозелитов", обращенных из врачей, педагогов, военных, филологов и пр. и пр., можно с уверенностью утверждать, что пропорция "практики/исследователи" будет неуклонно расти.

Появление психолога-практика как массовой профессии (массовой хотя бы пока по масштабам цеха профессиональных психологов) создает радикально новую ситуацию для всей нашей психологии. Возникает потребность в новых теоретических подходах, новых формах обучения и новых типах психологических организаций.

Для психологов-исследователей наступили необычные времена: если раньше продукт их работы использовался либо коллегами для написания собственных научных же трудов, либо лекторами для "просвещения населения", либо практиками других профессий – военными, инженерами, врачами, то теперь основным, главным пользователем становится *психолог-практик*. А это очень критичный и очень требовательный читатель. Он смотрит на исследовательский труд из гущи реального опыта практической психологической работы. Это вовсе не взгляд прагматика, озабоченного только "ноу хау", он ждет настоящего научного слова, истины, логоса, ждет тем более горячо, что он эту истину уже опытно ощутил и способен "узнать" ее, как узнает душа в подлинно поэтическом слове свое же однажды испытанное, но не до конца понятое чувство.

Чтобы отвечать этим ожиданиям, исследовательская, теоретическая психология должна реализовывать такой методологический подход, который позволил бы научно изучать не психику испытуемых, а *опыт работы с психикой*, прежде всего опыт профессиональной психологической работы, позволил бы черпать темы из этого опыта, создавать понятия и модели, описывающие и объясняющие опыт, формулировать результаты в виде, возвращаемом и конвертируемом в опыт. Чтобы продуктивно развиваться, психологическая теория должна включиться в контекст психологической практики и сама включить эту практику в свой контекст. Двумя словами: психологическая теория должна реализовывать *психотехнический подход*.

Но одно дело – "должна" и совсем другое – "может ли?", да и "хочет ли?", т.е. соответствует ли это ее собственным внутренним тенденциям? И может, и хочет.

В отечественной психологии мы находим прекрасный образец реализованного психотехнического подхода. Это теория поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина. Без специального методологического анализа, уже чисто стилистически очевидна психотехническая суть этой теории: не теория *мышления*, не теория *умственных действий*, но именно теория *формирования*, т.е. теория работы с психикой, а не самой психики. Нетрудно заметить, как переворачивается здесь классическая схема соотношения теории и практики: не от познания объекта к внедрению этих знаний в практику, а от опыта работы с объектом (формирования) к его познанию. Здесь в буквальном смысле реализуется надежда Л.С. Выготского на то, что практика войдет в основу научной операции.

Примера теории поэтапного формирования умственных действий достаточно для того, чтобы утверждать возможность реализации психотехнического подхода вообще. Но, повторяем, мало "быть должным", мало "мочь", нужно еще и "хотеть". "Хочет" ли отечественная психология стать психотехнической? Не под воздействием ли одной лишь моды на психологическую практику начинает она преобразовывать свои теоретические основания? Ведут ли ее к этому ее собственные, "генетически" заложенные в нее влечения, узнает ли она себя, став психотехнической?

Если проследить важнейшую линию развития отечественной психологии, линию Выготский – Леонтьев, то психотехническая закваска обнаруживается в ней в явном виде. Учение Л.С. Выготского об интериоризации как возникновении психических образований в ходе процесса "сворачивания" межличностного взаимодействия, о высших психических функциях, реализующие эти идеи, эксперименты А.Н. Леонтьева (5; 6) по изучению опосредствованной памяти – все это психотехнические, в широком смысле слова, представления. Ведь что, собственно, изучается в знаменитом эксперименте А.Н. Леонтьева? Память, взятая не как независимый от исследования натуральный объект, а как некое искусственное новообразование сознания, сформированное вместе экспериментатором и испытуемым с помощью предложенных средств (картинок) и в мотивирующем контексте социальной ситуации проверки памяти. Изучается, значит, не память вообще, а, по сути, социальная мнемотехника, т.е. измеряются результаты взаимодействия двух людей – экспериментатора и испытуемого, свернутые в способности воспроизвести ряд слов в данной специальной ситуации [2].

Итак, идея философии практики в приложении к психологической науке предстает как психотехническая методология. Психотехника – это философия практики для психологии. Отечественная психологическая традиция в лице культурно-исторической школы Выготского является психотехнической по своему изначальному замыслу, по своему методологическому "генотипу".

ПСИХОТЕХНИКА

Сейчас понятие "психотехника" употребляется в самых разных смыслах: и как набор приемов психического воздействия на человека, и как совокупность методов саморегуляции, и как новейшая методология психологии, предполагающая новый тип рациональности (9), и как культура психической деятельности в той или иной философско-религиозной традиции, а иногда, кивая на психотехнику 20-30-х гг., это понятие осмысливают как "психология – технике", т.е. как психофизиологическое

исследование человека как субъекта труда с целью научной организации профотбора, профориентации, вообще рационализации труда.

Для наших рассуждений важно вернуться к истокам понятия и вспомнить, что называл психотехникой изобретатель термина Г. Мюнстерберг, тем более что именно на его работы ссылался Л.С. Выготский, когда писал о том, что в психотехнике кроется зерно новой психологии. В предисловии к русскому переводу книги Г. Мюнстерберга "Основы психотехники" (М., 1924) Б. Северный и В. Экземплярский писали, что автор преследует цель объединения существующих специальных областей прикладной психологии и развитие зарождающихся (социальной психотехники, приложения психологии к сферам права, искусства, науки) и этим ставит задачу психологизации культуры.

Г.Мюнстерберг был одним из главных героев истории перехода от классической к современной психологии, смысл которого можно выразить формулой: *старую психологию интересовала жизнь души, новую – душа жизни* (см. (2)). Психолог классического периода, интроспекционист профессионально отворачивался от мира, полагая, что для изучения ощущения сладости совсем не нужно исследовать сахар. На рубеже веков в психологии появились совершенно новые фигуры (среди них прежде всего З. Фрейд, Дж. Уотсон), которые, наоборот, пожелали повернуться лицом к жизни и именно в ней попытаться увидеть психическое. Разумеется, все они по-разному, иногда противоположным образом, пытались решить эту задачу. Особенность Г. Мюнстерберга состояла в том, что он, не ставя целью реформировать психологическую науку изнутри, занялся прикладной психологией, казалось бы, периферической, а на деле решающей для исторического развития областью психологии, где она пересекалась с жизнью. Прикладную психологию Г. Мюнстерберг делил на каузальную и телеологическую. Казуальная есть приложение психологии к объяснению в других науках, в культуре, это – "психология культуры". Телеологическая – приложение психологии для достижения практических целей. Это и есть "психотехника" (см. (8)).

Раз психотехника, по Г. Мюнстербергу, *прикладная* дисциплина, то, чтобы понять ее, стоит выделить и рассмотреть три ее части: *что*, собственно, "прикладывается", *как* и *куда*, т.е. предмет, способ и область приложения.

Область приложения психотехники Г. Мюнстерберг категориально осмысливает как *культуру*: "Во всех сферах человеческой *культуры* возникают психотехнические проблемы" (курсив мой. – Ф. В.) (8; 7). Учитель воздействует на ребенка, проповедник – на грешника, продавец – на покупателя, врач – на пациента и т.д. В их деятельности "те или иные цели могут быть достигнуты вполне или отчасти через посредство психических процессов, и задача психотехники состоит в том, чтобы показать, о каких процессах должна при этом идти речь и какие влияния необходимы для достижения желательного результата" (8; 5). Заметим, что в качестве примеров сфер *культуры* Г. Мюнстерберг использует не искусство или науку, а образование, церковь и торговлю, т.е. социальные сферы, имеющие отчетливо выраженный *практический* характер. Психотехника здесь предстает как дисциплина, встроенная внутрь социальной практики как ее необходимый элемент, позволяющий и познавать психику, и влиять на нее.

Что же до "предмета приложения", то в теоретической рефлексии Г. Мюнстерберга им остается классическая психология сознания. В одной из ключевых дефиниций он говорит, что психотехника – это использование *учения о явлениях сознания* для того, чтобы решить, что мы должны делать [3].

Как бы мы ни оценивали теоретическое, методическое и практическое значение мюнстербергской психотехники, нельзя не согласиться с мнением Л.С. Выготского (см. (4)), что методологическое ее значение огромно и оно определяется, на наш взгляд, тем, что с самого начала каркас понятия "психотехника", состоящий из трех блоков: предмет приложения – способ приложения – область приложения, был наполнен связкой трех категорий: *сознание – практика – культура*, т.е. теми самыми категориями, которыми, как мы видели, конституируется *целостный человек*.

Но если так, то, может быть, – назад к Г. Мюнстербергу? Не может ли в самом деле идея психотехники, сформулированная Г. Мюнстербергом, стать главной методологической доктриной новейшей психологии? И да, и нет. Да, поскольку она выдвинула важнейшую задачу научно-практического освоения проблемы "сознание-культура", т.е. такого освоения, где теория сознания могла бы черпать жизненный материал не из интроспекции психолога или философа, а из процессов взаимодействия в той или другой сфере культуры, и в то же время вносить действенный вклад в оптимизацию, развитие и понимание интимных механизмов функционирования этой сферы (будь то школа, наука, искусство, медицина или менеджмент). Нет, прежде всего потому, что созданная в недрах классической психологии теория сознания, на которую рассчитывал Г. Мюнстерберг, не была способна по-настоящему участвовать в решении этой проблемы. Классическая психология сознания была неадекватна самой идее психотехники. Чтобы действительно, конкретно связать в рамках одной дисциплины под названием "психотехника" сознание с практикой и культурой, нужно было сделать радикальный шаг в *теории сознания*.

СОЗНАНИЕ

Такой шаг был сделан в культурно-исторической концепции Л.С. Выготского. Он состоял в том, что само сознание было понято как "культурное" и "практическое" по своему генезису, строению и функционированию.

Это утверждение лучше всего пояснить на примере какой-либо психической функции, например памяти. В классической психологии (у Г. Эббингауза) память исследовалась как отдельная функция, как натуральный объект, вещь, внутри себя содержащая законы, по которым она живет. У З. Фрейда память (в его объяснениях процесса забывания) стала рассматриваться в контексте личной судьбы, как личное действие, разворачивающееся во внутриспсихическом пространстве и решающее какие-то смысловые проблемы жизни. У П. Жанэ, в его теории памяти как рассказа, как "реакции на отсутствие", память также понималась как действие, но разворачивающееся в социальном контексте и мотивированное этим контекстом (необходимостью воспроизвести в рассказе некое социально-значимое событие). П. Жанэ и З. Фрейд как бы извлекли память из замкнутого мирка внутриспсихических функций классической психологии и вывели ее в виде человеческого действия в реальные жизненные контексты – социальный и биографический.

Однако радикальные преобразования понятия памяти совершились в культурно-исторической теории Л.С. Выготского, который добавил к предшествующим еще один контекст рассмотрения – контекст культуры – и сумел произвести в понятии "высшей психической функции", относящемся и к памяти, синтез всех этих контекстов. Вспомним еще раз вдохновленные Л.С. Выготским опыты А.Н. Леонтьева по изучению опосредствованной памяти (5), (6). Во-первых, им предшествовал культурологический экскурс в историю, который был не просто беллетристическим предисловием, а анализом функционирования культурных средств памяти. Использование средств запоминания стало центральным пунктом проводимых экспериментов. Во-вторых, *социальный*

контекст (взаимодействие экспериментатора и испытуемого) был интимным внутренним механизмом, порождающим исследуемый предмет – опосредствованное запоминание, а не просто внешним условием "включения" опыта и контроля результатов. В-третьих, память здесь изучалась в генетическом аспекте, но не в смысле естественного созревания, а в смысле *искусственного построения*. И последнее: память, понимаемая так же, как в теориях З. Фрейда и П. Жанэ, как действие, в отличие от этих теорий одновременно возвращала себе *достоинство и облик психической функции*, т.е. вновь "возвращалась" сознанию. Итак, в школе Л.С. Выготского память была понята как искусственное образование, порождаемое в социальном контексте совместной деятельностью двух людей с помощью культурных средств (знаков) и интериоризуемое, натурализируемое в биографическом контексте в новую "высшую" психическую функцию. Таким образом, Л.С. Выготский добавил к контекстам рассмотрения памяти – функциональному, биографическому и социальному – идею культурной опосредствованности, генезиса и интериоризации и сумел осуществить синтез всех этих представлений в понятии "высшая психическая функция".

На этом примере отчетливо видно, что Л.С. Выготский создал теорию сознания, где оно было понята как феномен, которому внутренне присущи культура и практика. Ее можно было бы назвать не только культурно-*исторической*, но и с равным успехом культурно-*практической*, поскольку один из основных смыслов слова "историческая" в принятом названии отражает идею генезиса сознания, но не естественного (поэтому это не "*генетическая психология*", как у Ж. Пиаже), а искусственного, производимого совместной деятельностью, опосредствованной культурными средствами, т.е. практикой.

Такое понимание сознания в отличие от классической психологии сознания адекватно общей идее психотехники, поскольку изначально включает в свернутом виде всю молекулярную структуру этой идеи – "сознание – практика культура".

Но почему же Л.С. Выготский не назвал свою теорию культурно-практической, хотя считал практику краеугольным камнем новой психологии, и почему не создал все-таки психотехнического подхода, хотя признавал за психотехникой величайшее методологическое значение?

Ответ на этот вопрос кроется в понимании второго узла категориальной структуры психотехники – узла практики.

ПРАКТИКА

У Л.С. Выготского было понятие "практической психологии", но не было еще понятия "психологическая практика". На первый взгляд, это синонимы, но по существу между ними – пропасть, радикальный сдвиг, отделяющий две исторические эпохи в развитии психологии (ср. (9)).

Практическая психология – это приложение и развитие психологических знаний в какой-либо сфере общественной практики – педагогике, медицине, обороне и т.д. Виды практической психологии получают соответствующие ведомственные имена: педагогическая психология, медицинская, военная и т.д. Каждая разновидность практической психологии включает в себя частную прикладную психологическую теорию, реализующую общепсихологические принципы в материале данной сферы социальной практики и для решения ее задач. Психологическая практика – это самостоятельная практическая деятельность психолога, где он выступает "ответственным производителем работ", непосредственно удовлетворяющим и обслуживающим

социально оформленные жизненные потребности заказчика. Психологическая практика обслуживает "потребителя", а не "производителя". Одно дело – консультирование пациента, обратившегося за психологической помощью, другое консультирование того же пациента по заказу его лечащего врача. Хотя процессы могут быть очень похожи, но их внутренний смысл, форма осмысления результатов, сам способ мышления и тип складывающихся в этих деятельности отношений разительно отличаются друг от друга. Наиболее "чистыми" видами психологической практики являются индивидуальное и семейное консультирование и различного рода психологические тренинги (подробнее об этом см. (3)).

Вернемся к поставленному выше вопросу. Почему, в самом деле, Л.С. Выготский при всем ясном понимании, что психотехника является краеугольным камнем новой психологии, что только она может вывести психологию из кризиса, не создал все-таки психотехнического подхода? Причина в том, что у него не только не было, но и не могло быть понятия *психологической практики*. Не в том, разумеется, дело, что он чего-то не додумал, и даже не в том, что социально-политические условия тогдашней жизни в стране не позволили бы ей как таковой осуществляться в сколько-нибудь массовом масштабе, а потому, что психологической практики при жизни Л.С. Выготского вообще не существовало как сложившейся социальной реальности, она еще только рождалась из недр практической психологии, которая сама в ту пору не достигла совершеннолетия.

Первой, и даже отчасти переходной, формой был ранний психоанализ. Психоанализ осуществлялся уже как самостоятельная психологическая практика, но осознавал себя в начале как своего рода лечебную, медицинскую деятельность, оправдывающуюся ценностью здоровья. Однако это была уже не вполне медицина: слишком большой вес для психоаналитика имело раскрытие истины по сравнению с обычным медицинским прагматизмом; и это была не практическая, именно – не медицинская психология, поскольку психоаналитик, хоть и преследовал не собственно психологические, а медицинские цели, но обслуживал не врача, а непосредственно самого обратившегося за помощью человека; и это была уже не прикладная психология: психологические знания черпались не из научных психологических систем, чтобы затем быть использованными в психоаналитической работе, а формировались опытом самой этой работы.

Событие произошло, психоанализ дал еще небывалый в истории психологии и даже в истории культуры феномен *собственно психологической практики*, самостоятельной социальной сферы, живущей по своим законам, а не обслуживающей какую-либо иную сферу социальной жизни. Правда, этот феномен не был явлен еще, как сказано выше, в чистом виде, это был еще, быть может, не более чем "неандерталец" будущей психологической практики, несущий на себе зримый отпечаток своего происхождения из медицинской практики и естественнонаучного мышления. Возможно поэтому Л.С. Выготский, казалось бы, более всех других гроссмейстеров психологической мысли подготовленный своими же теоретическими построениями к восприятию методологического значения психоанализа, не успел полностью оценить масштаба события, происшедшего с выходом психоанализа на сцену культурной жизни.

Начало века изобиловало грандиозными научными открытиями, философскими прозрениями, художественными свершениями. Но даже на этом фоне психоанализ по своему влиянию на европейскую, а через нее и мировую культуру предстает одной из первых, если не первой, вершин. Уже к 60-м гг. нашего века чуть ли не в каждом втором литературном произведении, фильме или спектакле, философской доктрине, а то и в сновидении образованного европейца можно было обнаружить следы, влияния, отголоски образов, схем и понятий психоанализа. Он в тех или других своих вариантах буквально

пронизал и изнутри реформировал культуру. Отвлечемся пока от вопроса, хорошо это или дурно, сейчас речь лишь о масштабах явления.

Разве мог кто-нибудь в конце XIX, да и в начале XX в. предположить, что психология, только-только появившаяся на свет как самостоятельная наука и находившаяся на периферии как научной, так и культурной жизни, вдруг так быстро и так громко заявит о себе?

Но чему, собственно, психоанализ обязан своей головокружительной карьерой? Разве не было научных психологических теорий такого же ранга, разве гештальтпсихология, генетическая эпистемология Ж. Пиаже или та же культурно-историческая психология Л.С. Выготского были менее мощными психологическими концепциями? Разумеется, нет. Волшебная сила психоанализа, собственно, в том и состояла, что он, несмотря на все естественнонаучные установки своего создателя, не был в строгом смысле слова *научной психологической теорией*. Ни научной, ни психологической, ни теорией. Он был первой *психотехнической системой*, поставившей "камень, который презрели строители" – психологическую практику – во главу угла.

И именно это обстоятельство – что ставка была сделана на свою, психологическую практику, определило как внутренние теоретические достижения психоанализа – развитие принципиально нового стиля и типа мышления, так и его внешние социальные продвижения.

И Г. Мюнстерберг, и Л.С. Выготский мечтали о новой, сильной, жизненной, реальной психологии, оказывающей влияние на человеческую жизнь, на культуру. Они предполагали, что психология войдет в город современной цивилизации через ворота существующих социальных практик педагогики, промышленности, медицины, юриспруденции и т.д. как надежный и дельный оруженосец этих практик, а оказалось, она по-княжески, с достоинством, хоть и не без шума, сама въехала сюда, открыв свой собственный, именно ей принадлежавший вход. Начался небывалый процесс психологизации культуры.

Если таково культурное значение первой, еще не до конца оформившейся и осознавшей себя психотехнической системы, то какую роль может сыграть развитая психотехника для судеб цивилизации, об этом можно пока только догадываться. Сомневаться не приходится только в одном, что эта роль, по крайней мере, не меньше, чем роль открытий в области ядерной физики [4].

С точки зрения развиваемого здесь представления о психотехнике, все социальные успехи и влияния психоанализа являются, так сказать, наградой за то, что он создал самостоятельную психологическую практику. Именно в этом ключ к достижениям психоанализа.

Что до его заслуг перед наукой психологией, то главная из них состоит не в развитии категории бессознательного, теории влечений и пр., а в разработке принципиально новой методологии: в психоанализе практика стала методом научного познания, в то же время психологическое познание стало методом практики.

Возможно же это стало потому, что психоанализ дал особую идею психотехнической практики, которой внутренне присущи категории сознания и культуры (так же, как категории сознания, разработанной Л.С. Выготским, имманентны категории практики и культуры).

Психоаналитическая практика была прежде всего практикой работы с сознанием, сознание по существу и рассматривалось здесь не как отдельный натуральный объект, а как элемент системы "работа-с-сознанием". Такой подход принес, как известно, щедрые плоды в понимании человеческого сознания.

Что касается категории культуры, то в психоанализе впервые за историю психологии культурные символы выступили не в качестве метафоры или предмета исследования, а стали объяснительным принципом психологических явлений (например, Эдипов комплекс). В то же время в лице психоанализа впервые возникла такая психологическая система, которая сделала психологические интерпретации культурных явлений достаточно вескими и серьезными. Словом, психология впервые стала культурно конвертируемой: психоаналитические построения легко включались в культурную жизнь, впитывались в символику искусства, становились предметом философских интерпретаций, входили в поры каждой сферы культуры и, наоборот, сами впитывали в себя разного рода культурные влияния.

Таким образом, не просто сам факт психологической практики как новой социальной сферы, но развитие идеи этой практики, включившей в себя как необходимые органы сознание и культуру, – вот чем объясняется столь масштабное влияние психоанализа на европейскую цивилизацию.

* * *

Итак, расщепление, грозящее расколоть психологию на две дисциплины, может быть преодолено развитием психотехнического подхода, вводящего психологическую практику внутрь психологической науки, а науку – внутрь практики. Принципиальная категориальная схема психотехнического подхода – сознание-практика-культура. Культурно-историческая теория разработала категорию *сознания*, адекватную этому подходу, психоанализ развил другой категориальный блок – *практику* – и за счет этого дал первый образец действующей психотехнической системы. В соответствии с этой логикой наиболее актуальной задачей, замыкающей становление психотехнического подхода, является формирование категории *культуры* с психотехнической точки зрения.

Контуров рождающейся на наших глазах новой психологии уже проступают. Имея дело с сознанием человека, она вовсе не откажется от объяснения его механизмов, но в то же время станет *феноменологической и диалогической*, т.е. *понимающей* психологией, способной профессионально относиться не только к "третьему лицу", но и к живому Ты. Не отрекаясь от того, чтобы быть деятельностной психологией, она станет еще и деятельной психологией, ставящей психологическую практику во главу угла своей методологии. Не отбрасывая своих почтенных естественнонаучных традиций, она станет, наконец, и полноценной *гуманитарной* дисциплиной, способной понимать человека в культуре и культуру в человеке и взаимодействовать с ним с учетом этого понимания.

Обсуждение проблем, которые встают перед психологией в связи с психотехнической разработкой категории культуры, выходит за пределы данной статьи, но одну из них – не столько психологическую проблему, сколько проблему психологии, – необходимо назвать. Это проблема *культурной ответственности*. Чем больше развивается психология как особая социальная практика, тем более психологизируется культура. В то же время идет встречный процесс "культуризации" психологии: у психологии нет самостоятельного культурного содержания (философского, этического, религиозного), и она становится агентом, проводником, даже "сверхпроводником" различных содержаний из культуры в сознание. Не скрою тревоги: страшно бывает наблюдать, как через канал

психологии в человеческую душу под профессионально благовидными предложениями эмоциональной поддержки, расширения сознания, устранения невротических симптомов и т.д. вводятся чудовищные смеси мотивов, образов, идей из совершенно несовместимых культур и культов от шаманизма до бахаизма. Спасение от "идеологии" вовсе не в идеологической всеядности (это замена рабства на худшее – быть слугой многих господ), а в свободе. В свободе совести, в частности. Выбор культурной позиции, осуществляемый на основе этой свободы, – за пределами профессии. Но у нас теперь такая профессия, что мы в ответе за то, будет ли человек искать в своей душе Эдипа или Христа. Это и значит, что психология становится культурно-исторической.

Литература

1. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. *Васильюк Ф.Е.* К проблеме единства общей психологии // *Вопр. филос.* 1986. №10. С. 76-86.
3. *Васильюк Ф.Е.* От психологической практики к психотехнической теории // *Моск. психотерапевт. журн.* 1992. №1. С. 15-32.
4. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // *Собр. соч.: В 6 т.* Т. 1. М., 1982.
5. *Леонтьев А.Н.* Опосредованное запоминание у детей с недостаточным или болезненно измененным интеллектом // *Вопр. дефектол.* 1928. №4. С. 15-277.
6. *Леонтьев А.Н.* Развитие памяти. М., 1931.
7. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд. Т. 3. С. 3-4.
8. *Мюнстерберг Г.* Основы психотехники. М., 1924.
9. *Пузырей А.А.* Культурно-историческая теория Л.С. Выготского и современная психология. М., 1986.
10. *Степин В.С.* Становление научной теории. Минск, 1976.